

На правах рукописи

КЛИМОВИЦКИЙ СЕРГЕЙ ВЕНИАМИНОВИЧ

**Решение проблемы когерентности в современных
западных социологических теориях**

Специальность 22.00.01 - теория, методология и история социологии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации

на соискание ученой степени

кандидата социологических наук

Москва - 2008

Работа выполнена в Институте социально-политических исследований РАН

Научный руководитель:

академик РАН

Геннадий Васильевич Осипов

Официальные оппоненты: доктор социологических наук

Михаил Федорович Черныш,

кандидат философских наук

Николай Тихонович Кремлев

Ведущая организация: Российский государственный социальный
университет

Защита состоится 08 апреля 2009 года в 15.00. в диссертационном совете Д.002.088.03 при Институте социально-политических исследований РАН по адресу: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32А, 12-й эт., к. 1227.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ИСПИ РАН.

Автореферат разослан 04 марта 2009.

Ученый секретарь

Диссертационного совета

кандидат философских наук

Т.В. Ковалева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Под термином когерентность понимается устранение теоретического разрыва между различными уровнями социальной реальности или уровнями социального анализа, которые в зависимости от выбранного теоретического фокуса могут концептуализироваться в терминах «микро» или «макро», субъективности или объективности, действия или порядка, деятельности или структуры и тому подобных. При этом в зависимости от принадлежности к той или иной теоретической школе приоритетом наделяется один из полюсов дихотомии, в то время как второй рассматривается в качестве производного и, соответственно, обладающего низшим онтологическим или аналитическим статусом. Таким образом, поиск теоретической когерентности есть в конечном итоге стремление к выработке целостного представления о социальной реальности. Задача построения подобной монистической теории в социологии сравнима, в определенном смысле, с задачей построения единой теории поля в квантовой физике. Хотя адекватное решение данной задачи в настоящее время едва ли возможно, тем не менее каждая новая попытка в этой области отнюдь не является бесполезной, создавая потенциал для будущего теоретического прорыва.

Степень научной разработанности проблемы. Проблема когерентности стала актуальной для социологической теории начиная с 1980-х годов, когда преимущественно в американской социологии возникло движение против так называемого «макро-микро экстремизма», ориентированное на создание более интегрированных теорий. До этого можно обнаружить лишь отдельные попытки постановки этой проблемы. Так, в 1964 году внимание к отношениям между социологическими теориями различного масштаба привлек Хельмут Вагнер. В 1969 году Уолтер Уоллес в своей классификации социологических теорий упомянул микро-макро континуум, однако эта идея не получила серьезной разработки. В 1976 году Джим Кемени в своей работе, посвященной

перспективам отношений «микро-макро», наряду с анализом оснований дихотомии, высказался также в пользу изучения взаимосвязи ее членов.

В середине 1980-х годов большое внимание проблеме когерентности уделил Джордж Ритцер, построивший так называемую «интегрированную социологическую парадигму», которая явилась полезным инструментом анализа социологических теорий с точки зрения их когерентности.

Целью исследования является анализ и оценка вариантов решения проблемы когерентности в современных западных социологических теориях.

Задачами исследования являются: выявление сущности проблемы когерентности, формулирование общей логики ее решения, описание ее исторического контекста, определение аспектов интеграции, отбор наиболее продуктивных вариантов решения.

Объектом исследования являются современные западные социологические теории, в которых предпринимается попытка решения проблемы когерентности.

Предметом исследования являются предлагаемые решения проблемы когерентности.

Гипотеза, на которой строится исследование, состоит в том, что наиболее продуктивными с точки зрения когерентности являются те теории, в которых находит отражение диалектический характер аспектов социальной реальности.

Методологической базой исследования является разработанная Джорджем Ритцером интегрированная социологическая парадигма, рассматривающая социальную реальность как континуум в аспектах «микро-макро» и «субъективность-объективность».

Научная новизна исследования

В диссертации выявляется сущность проблемы когерентности, причины ее возникновения, формулируется общая логика ее решения и определяются наиболее продуктивные теоретические подходы к ее решению. Проблема когерентности представлена как теоретический разрыв различных аспектов или уровней единой социальной реальности, ведущий к их

противопоставлению. Причина разрыва заключается в сосуществовании в социологической теории двух базовых подходов – «холизма» и «атомизма». Логика решения состоит в согласовании этих базовых подходов на основе признания диалектических отношений взаимообусловленности между социальным целым и его частями. Наиболее продуктивными теоретическими подходами к решению проблемы когерентности представляются с этой точки зрения такие теоретические конструкции, в которых приоритет изначально не отдается ни одному из уровней или аспектов социальной реальности.

Основные положения, выносимые в защиту. В защиту выносятся следующие положения:

1. Социальная реальность едина и представляет собой тотальность взаимозависимых человеческих отношений.

2. Дихотомические термины, такие как «микро» и «макро», «субъект и «объект», «действие» и «порядок», «деятельность» и «структура» представляют собой лишь аспекты этой тотальности.

3. Решение проблемы когерентности в общем плане требует согласования двух основных подходов к социальной реальности – «холизма» и «атомизма», - сосуществование которых обусловлено «интерсубъективной» природой социальной реальности.

4. Согласование осуществляется путем установления диалектических отношений взаимообусловленности между социальным целым и его частями.

5. Наиболее продуктивным решением проблемы когерентности является интегрированный подход, отражающий целостный характер социальной реальности.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его выводов и собранного теоретического материала в преподавании курсов истории и теории западной социологии.

Апробация исследования

Основные положения диссертации были доложены автором на круглых столах и в рамках III Всероссийского социологического конгресса (21-24

октября 2008 года) в ИСПИ РАН. Содержание диссертационной работы отражено в научных публикациях.

Структура диссертации

Диссертация состоит из введения, первой главы, второй главы, включающей в себя три раздела, и заключения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Во введении определяется сущность и формулируется логика решения проблемы когерентности. С точки зрения автора, проблема когерентности носит не эпистемологический, а онтологический характер. Даже в тех случаях, когда социальные теоретики ведут речь об «уровнях анализа», в выстраивании этих уровней явно или имплицитно предполагается определенная иерархия, что неизбежно переводит проблему в онтологический план. Решением понятой таким образом проблемы когерентности является формулирование адекватного представления о едином характере социальной реальности как тотальности взаимозависимых человеческих отношений. С этой точки зрения, «микро» и «макро», «субъект» и «объект», «действие» и «порядок», «деятельность» и «структура» представляют собой лишь аспекты этой тотальности, которая сама по себе остается единой тканью социальной жизни.

В общем плане суть решения проблемы когерентности можно представить как согласование двух основных подходов к социальной реальности, которые можно условно обозначить как «холизм» и «атомизм». Если холизм исходит из того, что социальное целое представляет собой нечто большее, чем сумма его частей, и, соответственно, делает акцент на его системных («макро», «упорядочивающих», «структурных», «объективных») свойствах, выводя из них свойства отдельных элементов, то атомизм, напротив, рассматривает социальное целое как сумму действий частей и,

соответственно, делает акцент на свойствах элементов («микро», «деятельностных», «субъективных»), выводя из них свойства целого.

Сосуществование этих двух подходов в социологии, как и возможность их интеграции, обусловлены самой природой социальной реальности, носящей «интерсубъективный» или, точнее, субъективно-объективный характер и представляющей собой, по существу, сложную композицию, образующуюся в результате согласования экстернализованных социальных ожиданий индивидов, каковая композиция, в свою очередь, детерминирует эти ожидания посредством ее интернализации индивидами. В самом деле, всякое социальное целое представляет собой набор социальных позиций, занимаемых индивидами или состоящими из индивидов коллективами. Социальное целое немислимо без занимаемых индивидами социальных позиций, однако и занимаемые индивидами социальные позиции немислимы без социального целого. Иначе говоря, между социальным целым и его элементами существуют диалектические отношения взаимообусловленности: конституирование свойств социального целого происходит одновременно с конституированием свойств его элементов. Такой взгляд на социальную реальность позволяет не только выявить суть проблемы когерентности, но и указывает на теоретическую логику ее решения.

С этой точки зрения, и холизм, и атомизм представляют собой абсолютизацию одной из крайних точек зрения на диалектические отношения социального целого и его частей; абсолютизацию вполне понятную, учитывая сложность адекватного описания этих диалектических отношений. Однако та же самая диалектика допускает существование интегрированной перспективы, в которой и должен найти отражение особый характер социальной реальности.

В общем плане можно показать, как в работах различных теоретиков-интеграционистов применяемые к социальной реальности базовые дихотомии – «микро-макро», «действие-порядок», «деятельность-структура», «субъективность-объективность» – элиминируются с точки зрения диалектики части и целого. Отношения «микро» (индивиды) и «макро» (группы,

коллективы, организации, институты и т.д.) кажутся в этом плане достаточно очевидными, так как непосредственно вытекают из данного выше определения социальной реальности. Социальные отношения представляют собой наборы взаимно согласованных ожиданий социальных действий, и эта взаимность является одновременно тем «клеем», который удерживает вместе социальное целое любого порядка, и той средой, в которой формируются эти отношения.

В ключе той же самой диалектики решается проблема действия и порядка: действие мыслится упорядочиваемым как изнутри, так и снаружи, и является одновременно инструментальным и нормативным. Это позволяет согласовать устремления индивидов с внешними условиями их существования.

Оппозиция деятельности и структуры элиминируется с помощью концепции «дуальности структуры», согласно которой структурные свойства социальной системы выступают одновременно как средства производства и воспроизводства социальной деятельности и как результат этой деятельности. Таким образом, опять же создается основа для согласования ситуативных действий субъектов в рамках социальной системы.

Что касается дихотомии субъективизма и объективизма, под которой в социологии обычно понимается теоретический разрыв между социальным субъектом (индивид) и социальным объектом (общество, закон, нормы, паттерны интеракции и т.д.), то проблема решается с помощью новой концепции социальной структуры, которая является скорее «внутренней», чем «внешней», по отношению к субъектам, однако способна распространяться во времени и пространстве, тем самым выходя из-под их контроля.

В социологической теории могут использоваться и другие дихотомии вроде «идеального-материального», «номинализма-реализма» и тому подобных, однако все они так или иначе могут быть сведены к уже рассмотренным выше базовым оппозициям, и логика их элиминирования остается той же самой. Так, введение в семиотическую модель социальной

реальности понятий «социального конструирования» и «построенной среды» и установление между всеми тремя уровнями диалектических отношений взаимозависимости позволяет достичь когерентности в аспектах «микро-макро», «деятельности-структуры» и «идеально-материальном».

Таким образом, общее решение проблемы когерентности достигается на основе адекватного теоретического описания диалектических отношений, существующих между различными аспектами социальной реальности в качестве единой тотальности взаимозависимых человеческих отношений.

В первой главе описывается исторический контекст возникновения проблемы когерентности. Хотя данная проблема стала осознаваться социальными теоретиками уже достаточно давно, особую актуальность она приобрела лишь в последние десятилетия. По существу irrelevantной она являлась лишь для пионеров социологии, моделирование которыми своей дисциплины по аналогии с естественными науками делало фактически невозможным выявление особенностей социальной реальности. Так, лежащая в основании социальных теорий Конта и Спенсера органическая аналогия неизбежно смещала фокус их внимания на социальную систему в целом, эволюция которой занимала их гораздо больше, чем отношения между этой системой и ее частями. Кроме того, преобладавшая в научной парадигме того времени вера в объективность и незыблемость законов природы, которые распространялись также и на человеческое общество, принижала важность субъективных действия и интеракции, которым отводилась, в лучшем случае, роль аналога биологической борьбы за существование.

Классики социальной теории уже вполне осознавали проблему когерентности и пытались каждый по-своему решить ее, однако при этом не избежали определенной односторонности. Так, у Маркса деятельность индивида оказалась практически полностью подчиненной логике классовой структуры. Аналогичным образом, Дюркгейм понимал свои «социальные факты» как внешние и принудительные по отношению к акторам. Более диалектический подход присущ Веберу и Зиммелю. Однако, хотя созданный

Вебером «понимающий» метод применим как к индивидуальному, так и к культурному уровням, герменевтическая перспектива как таковая предполагает приоритет «понимающего» субъекта. Что же касается Зиммеля, то при всей кажущейся диалектике в его трактовке отношений субъективной и объективной культур, предполагается, что эта последняя, раз возникнув, живет собственной жизнью и даже угрожает существованию первой.

В американской социологии одним из первых проблему когерентности остро поставил в начале XX века Кули. Согласно Кули, социальные сущности представляют собой психические факты, то есть сходны по природе с личностью. Поэтому социальная организация должна концептуализироваться в терминах психических процессов, которые позволяют актерам в ходе непосредственных интеракций порождать «чувство общей симпатии» или «общий дух». В дальнейшем идеи Кули, в значительной степени развитые Мидом, положили начало микроориентированной социологии.

В то же время, идущий от Спенсера макроэволюционный подход получил развитие в трудах Самнера. Между макросоциологией Самнера, с одной стороны, и микросоциологией Кули, с другой, в начале XX века существовало много промежуточных подходов, которые принимали органическое представление о социальной структуре, но одновременно подчеркивали важность межличностных отношений и сознания в качестве необходимой динамики, поддерживающей органические социальные сущности. Эта промежуточная позиция наиболее ярко проявилась в трудах Гиддингса. Так, Гиддингс подчеркивал, что общество является по существу психическим феноменом, который обусловлен физическим процессом, и поэтому социологические законы являются, во-первых, законами психических процессов и, во-вторых, законами ограничения психического процесса физическим.

В трудах Гиддингса и Кули этот ментализм все еще концептуализируется в макротерминах, как «коллективное сознание» у Дюркгейма. Однако интерес к психическим процессам постепенно приобрел микроизмерение и стал

социально-психологическим. Одной из причин подобного изменения, по-видимому, можно считать распространение в социологии статистического анализа и опросов, в ходе которых людей спрашивали об их отношениях, мнениях и ориентациях.

Примерно в это же время Дюркгейм оставил макроэволюционную и органическую ориентацию своих трудов 1890-х годов и заинтересовался когнитивными и психическими основами социальной структуры, а Вебер сформулировал свои первые идеи относительно «*verstehen*» и действия. В дальнейшем дюркгеймовский подход, соединенный с идеями сосюрровской структурной лингвистики дал начало французскому структурализму, а в Германии веберовская ориентация под влиянием философии Гуссерля эволюционировала в феноменологическую социологию.

Что касается американской социологии, то период между Первой и Второй мировыми войнами ознаменовался сужением масштаба теории в связи с развитием эмпирических исследований. Социологи полагали, что теория должна вдохновляться исследованиями и, в свою очередь, вдохновлять их. Другим важным моментом стал отказ от эволюционизма ранних теоретиков. «Структура социального действия» Парсонса подвела теоретическую основу под методологический индивидуализм, в соответствии с которым ответы отдельных индивидов, полученные в ходе интервью, опросов и других процедур и подвергнутые статистическому агрегированию и анализу, могли дать социологам адекватное представление о социальных и культурных феноменах.

Однако уже в самом начале периода доминирования теории действия и обоснования ей квантитативной революции, прежние органические темы стали снова возникать в форме функционализма. Функциональный анализ был сначала применен Малиновским и Рэдклифф-Брауном в антропологии, однако к нему проявили интерес и социологи. Вероятно, именно акцент на системном целом сделал функциональный анализ столь привлекательным для социологов.

К 60-м годам XX века доминирующей перспективой в американской социологии и влиятельной во всем мире стал парсонсовский структурный функционализм. Он приблизился по своему статусу к тому положению, которое занимал в период до начала Первой мировой войны восходящий к Спенсеру эволюционный органицизм. Его единственными и гораздо менее влиятельными конкурентами в то время были символический интеракционизм, возникший на основе развития Блумером идей Мида, различные другие адаптации мидовских идей вроде теории ролей и драматургии, а также марксизм, вышедший на американскую социологическую сцену после репрессий эпохи Маккарти.

Однако практически с самого начала доминирования структурного функционализма парсонсовская теория стала подвергаться атакам. Сомнение вызывало именно органицистское видение общества Парсонсом как саморегулирующейся, внутренне гармоничной и функциональной интегрированной системы. Критика эта звучала не только со стороны микротеоретиков вроде символического интеракциониста Блумера и бихевиористски настроенного Хоманса, но и со стороны теоретиков конфликта вроде Дарендорфа, которые ставили в вину Парсонсу излишнее увлечение порядком и недостаток внимания к конфликту и изменению.

В результате после краткого периода доминирования структурного функционализма в американской и мировой теории наступил период эклектизма, разделения и ожесточенных дебатов, характеризующийся, по мнению Ритцера, утратой интереса к интеграции и «доминированием микро- и макроэкстремизма».

Из существующих в настоящее время направлений социологической мысли к макрополюсу можно отнести структурный функционализм, теорию конфликта, некоторые разновидности неомарксистской теории (особенно экономический детерминизм и структурный марксизм), а также большинство форм структурализма. На микрополюсе лежат теория обмена, символический

интеракционизм, феноменология, этнометодология, экзистенциальная социология, бихевиористская социология и теория обмена.

Начиная в 80-х годов XX века проблема когерентности стала все больше беспокоить западных социальных теоретиков. В то же время, хотя интеграционные усилия и были направлены на преодоление микро-макроэкстремизма, они не могли не испытать на себе его влияния. Большинство заинтересованных в интеграции социологов пришли к ней, основываясь на экстремальных микро- или экстремальных макротеориях, что часто ограничивало их интеграционные усилия. Среди рассматриваемых автором работ явным образом от микроуровня отталкиваются теории Джеймса Коулмана и Рэндала Коллинза и модифицированная теория обмена, а в основном от макроуровня свое происхождение ведет теория Александера. Другим теоретикам, таким, например, как Гидденс или Сьюэл, интеграционная ориентация была присуща изначально. Однако независимо от исходных посылок все эти авторы сходятся в своем стремлении придать социологической теории большую когерентность.

Во второй главе анализируются конкретные примеры теоретического решения проблемы когерентности.

В первом разделе речь идет о выборе аспектов интеграции. Все рассматриваемые теории с точки зрения выбираемых аспектов интеграции можно разделить на теории «микро-макро» и теории «деятельности-структуры». Такое разделение при всей его условности, учитывая многообразие возможных теоретических аспектов рассмотрения единства социальной реальности, позволяет обнаружить интересные расхождения в теоретических предпочтениях американских и европейских социологов. Одно из главных различий между американскими и европейскими теоретиками связано с их представлениями об акторе. Традиционно для американских теорий было характерно сильное влияние бихевиоризма и теории обмена. Поэтому, хотя американские теоретики и разделяют интерес европейцев к сознательному, креативному действию, при этом они также подчеркивают

важность «автоматического» поведения с учетом выгод и затрат. Иначе говоря, если в европейской теории большая важность придается действию, то в американской - поведению. Эта тенденция «автоматизации» актора в настоящее время усилилась в связи с ростом интереса в американской социологии к теории рационального выбора.

Расхождения в подходах американских и европейских теоретиков к проблеме «макро-структуры» также проистекают из различий в теоретических влияниях. На американцев основное влияние в этом вопросе оказал структурный функционализм, который проявляет отчетливый интерес к социальным структурам, однако в конечном итоге отдает предпочтение культурной системе. На европейцев же наиболее сильное влияние оказал структурализм, рассматривающий структуры в более общем плане - от микроструктур сознания до макроструктур общества. Культура имеет для структуралистов гораздо меньшее значение, чем для функциональных структуралистов.

Что касается теоретических расхождений по проблеме «микро-деятельности», то они гораздо менее значительны, чем различия на макро-структурном уровне. Можно указать лишь, что в Европе наиболее сильное влияние оказали экзистенциализм и феноменология, а в Соединенных Штатах - символический интеракционизм и теория обмена. Однако различия в воздействии этих теорий на работы по проблеме «микро-деятельности» в Соединенных Штатах и Европе представляются несущественными. Кроме того, теории «микро-деятельности» вообще более известны по обеим сторонам Атлантики, чем теории «макро-структуры». Достаточно упомянуть лишь этнометодологию, оказавшую приблизительно одинаковое влияние на Америку и Европу.

Другим важным различием является то, что проблема «микро-макро» в основном рассматривается иерархически: внизу находятся феномены микроуровня, наверху - феномены макроуровня, а посередине - сущности мезоуровня. При этом, однако, важно иметь в виду, что микро-

макроконтинуум не всегда совпадает с другими аналитическими измерениями, например субъективностью и объективностью. С другой стороны, связь деятельности и структуры, по-видимому, не имеет явной связи с выбранным фокусом анализа.

Наконец, существуют также важные различия между теориями «микро-макро» и «деятельности-структуры» в плане их метатеоретических ориентаций. Само введение в социологию терминов «микро» и «макро», заимствованных из экономического и естественнонаучного дискурса, достаточно явно указывает на выбранный американскими социологами образец для подражания. Для европейских же теоретиков, не испытывавших такого пиетета перед естественными науками и экономикой, характерен больший интерес к философии, в частности к философии деятельности, которой они придали структурное измерение.

Во втором разделе рассматриваются теории «микро-макро»: «интегрированная социологическая парадигма» Д. Ритцера, «многомерная социология» Д. Александера, «уровни анализа» Н. Уайли, «Основания социальной теории» Д. Коулмана, модифицированная теория обмена Р. Эмерсона, К. Кук и других, «Микрооснования макросоциологии» Р. Коллинза, теория интерактора Д. Бергера, Д. Эйр и М. Зелдитча, «Макрооснования микросоциологии» Г. Файна, «модель институционализации» П. Фрумкина и Г. Каплана, «структурализм состояний ожидания» Т. Фараро и Д. Скворетца.

В третьем разделе рассматриваются теории «деятельности-структуры»: теория структуризации Э. Гидденса, теория «культуры и деятельности» М. Арчер, теория «хабитуса» и «поля» П. Бурдьё, теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса, теория социальных сфер Д. Лейдера и исторический интерпретивизм У. Сьюэла-младшего.

В заключении рассмотренные теории оцениваются с точки зрения продуктивности их подхода для решения проблемы когерентности в соответствии со сформулированной ранее логикой ее решения. Проанализированные примеры решения проблемы когерентности хорошо

демонстрируют всю ее сложность, заключающуюся в адекватном представлении диалектических отношений взаимообусловленности между социальным целым и его частями. Эти отношения в основном концептуализируются авторами в терминах двух фундаментальных аспектов – «микро-макро» и «деятельность-структура». В попытках решения проблемы теории либо принимают один из уровней социальной реальности в качестве базового, выводя из него другие, либо стремятся рассматривать их в единстве, исключая онтологический или аналитический приоритет. С точки зрения автора, именно этот второй подход является более продуктивным, поскольку позволяет решить проблему по существу.

Модели решения проблемы, предлагаемые Ритцером, Александером и Уайли, представляют собой метатеоретические схемы, дающие указания для построения теорий и их оценки в плане когерентности. Из них наиболее удачной представляется модель интегрированной социологической парадигмы Ритцера. Рассматривая пересечение двух континуумов – «микро-макро» и субъективно-объективного – он получает четыре базовых уровня анализа, позволяющие получить целостное представление о социальной реальности. Еще важнее то, что Ритцер не отдает предпочтения ни одному из уровней, а трактует их как диалектическое единство. Таким образом, предлагаемая Ритцером интегрированная социологическая парадигма может рассматриваться в качестве общей метатеоретической основы, частными случаями которой являются все ныне существующие в социологии парадигмы.

Многомерная социология Александера также задумывалась автором как когерентная модель, позволяющая решить фундаментальную для социологической теории проблему действия и порядка. Действие описывается им с помощью инструментально-нормативного, а порядок с помощью индивидуально-коллективного континуумов. В результате получаются четыре базовых уровня анализа, весьма напоминающие ритцеровские. Однако, в отличие от Ритцера, Александер, следуя традиции структурного функционализма, отдает предпочтение коллективно-нормативному уровню.

Таким образом, построив в целом вполне когерентную метатеоретическую модель, Александер ограничивает себя лишь одним из ее аспектов, полагая все остальные проблематичными в плане концептуализации отношений действия и порядка.

Что же касается модели Уайли, то принятие им в качестве основного уровня субъекта не позволяет адекватно описать уровень интеракции (микрообъективный) и уровень социальной структуры (макрообъективный). Кроме того, отношения между уровнями понимаются Уайли достаточно узко – как эмерджентное становление снизу вверх и обратная связь сверху вниз. Иначе говоря, Уайли не склонен рассматривать свои уровни анализа как диалектическое единство, что существенно снижает когерентность его модели.

Из теоретических решений проблемы когерентности наиболее удачной представляется теория структуризации Гидденса. Концепция дуальности структуры, являющейся одновременно средой, в которой происходит деятельность, и результатом этой деятельности, позволяет достаточно адекватно описать диалектику деятельностного и структурного аспектов социальной реальности, не отдавая предпочтения ни одному из них. Кроме того, наличие структурных свойств как в психике индивидов, так и в социальных системах позволяет интегрировать также аспекты «микро» и «макро». В этой связи, критика в адрес Гидденса со стороны Арчер, которая полагает, что концепция дуальности не позволяет изучать взаимодействие структуры и деятельности во времени, представляется несправедливой. Достаточно указать лишь на проведенный Гидденсом анализ трансформации социальных институтов под влиянием рефлексии акторов, которая, в свою очередь, инициируется этими институтами.

Продолжением и развитием теории Гидденса можно считать семиотическую модель социального Сьюэла. Переосмысление концепции социальной структуры в качестве предсуществующих и постоянно обновляемых кодов и парадигм и представление социальной реальности как

сети семиотических практик позволяет решить по существу не только проблему «деятельности-структуры», но и проблему «микро-макро», а введение понятия построенной среды привносит в модель также материальное измерение.

Достаточно когерентным кажется также вариант символического интеракционизма, представленный Файном. Введя в эту теоретическую ориентацию, традиционно фокусирующуюся на микросубъективном уровне, понятия интериоризируемого «ограничения» и не зависящей от субъекта «внешности» (*exteriority*), теория Файна позволяет анализировать также макро/структурный уровень. Важной в плане когерентности является также концепция двойной каузальности, подчеркивающая диалектические отношения между микро- и макроуровнем.

К числу когерентных можно также отнести теорию деятельности и культуры Арчер, хотя она и настаивает на необходимости «аналитического дуализма». Интересно, что, начав с критики Гидденса, Арчер под влиянием логики аргументации приходит к определению культуры, которое мало чем отличается от определения структуры у Гидденса.

Что касается теории социальных сфер Лейдера, то ее также можно признать вполне когерентной, если только отвлечься от исповедуемого автором «онтологического дуализма» жизненного мира и системы, который представляется скорее аналитическим и плохо согласуется с самой теорией. Социальные сферы и метасферы его теории без всякого ущерба для смысла могут рассматриваться не как отдельные реальности, а как аспекты единой социальной реальности, что отнюдь не лишает их специфичности.

Остальные авторы представленных теорий склонны явным образом или имплицитно отдавать приоритет одному из уровней или аспектов социальной реальности. Результатом является либо частичная когерентность, либо логически вытекающая оппозиция.

На микроуровне свои теории основывают Коулман, Коллинз и Фараро и Скворец. Так, попытка Коулмана приспособить теорию рационального

выбора для объяснения макрофеноменов не позволяет объяснить взаимозависимость между феноменами макроуровня и их обратное влияние на уровень индивидов. Кроме того, использование в социологии заимствованной из экономики концепции рационального актора неизбежно ведет к редукционизму и искусственности, что особенно очевидно при объяснении Коулманом феномена коллективного поведения.

Коллинз, в свою очередь, в попытках построения когерентной теории отказывается от рассмотрения индивидуальных поведения и сознания и сосредоточивает внимание на «цепях интеракционных ритуалов». Однако трактовка макроструктур как сгустков человеческих эмоций исключает из рассмотрения объективный уровень. В результате теория Коллинза остается на макросубъективном уровне.

Теория Фараро и Скворетца, несмотря на декларируемое стремление к когерентности остается на микроуровне. Хотя она и позволяет достаточно адекватно описать формирование порядка доминирования и престижа в малой, ориентированной на выполнение конкретной задачи группе, возможности распространить это описание на более крупные социальные структуры представляются весьма ограниченными. Стремление к формальной элегантности побудило в данном случае авторов к неоправданному упрощению.

К макроуровню тяготеют теория интерактора Бергера, Эйр и Зелдитча и теория институционализации Фрумкина и Каплана. Несмотря на то что теория интерактора признает наличие диалектических отношений между поведением индивидов и социальными структурами, игнорирование субъективного аспекта действия не позволяет считать ее вполне когерентной. Что же касается теории Фрумкина и Каплана, то отнесение иницирующих институционализацию факторов исключительно к макроуровню ведет к недооценке возможностей индивидов в трансформации социальных институтов.

Для теории Бурдьё характерен крен в структурную сторону. Ее достоинством является диалектическая трактовка отношений между хабитусом и полем, которая позволяет интегрировать индивидуальный (микро) и коллективный (макро) уровни. Однако концептуализация того и другого в структурных терминах не позволяет учесть присущие деятельности субъективность и интенциональность.

Противоположный уклон присущ теории коммуникативного действия Хабермаса. При описании диалектических отношений между жизненным миром (деятельностью) и системой (структурой) Хабермас имплицитно отдает предпочтение первому, что в дальнейшем рассуждении приводит к их оппозиции и подчинению первого последней.

Таким образом, сопряженные с решением проблемы когерентности сложности часто оказываются непреодолимыми для теоретиков, невзирая на искренность их намерений ее решить. Поэтому можно, не рискуя сильно ошибиться, предположить, что задача построения адекватного целостного представления о социальной реальности еще будет долго стоять в повестке дня социологической теории.

Положения диссертации получили отражение в следующих публикациях автора

С. Климовицкий. Решение проблемы когерентности в современных западных социологических теориях. – М.: ИСПИ РАН, 2007. – 4,5 п.л.

С. Климовицкий. Проблема когерентности социологической теории в контексте концепции Д. Лейдера. Социологические исследования, №12, 2008. стр. 126-30. – 0,5 п.л.

S. Klimovitsky, "Sewell's Historical Interpretivism as an Example of a Coherent Social Theory," in V. Kultygin (ed.), *Sociology: History, Theory, and Practices*, vol. 9, 2008, pp. 39-47. – 0,5 п.л.